

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.001
УДК 811.16'373.23 + 811.16'373.6 + 811.16'373.45

С. М. Толстая
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

К ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ *ВЛАДИМИР**

Имя *Владимир* (**Voldimirь*) неоднократно было предметом этимологического анализа вместе с другими древнеславянскими дохристианскими двусоставными антропонимами. Однако некоторые аспекты этимологии этого имени остаются не до конца выясненными. В статье рассматриваются четыре главных вопроса: 1) морфология первого члена имени (именная или глагольная основа?); 2) семантика второго элемента имени (*-mirь* — ‘рах’ или ‘mundus’?); 3) соотношение др.-рус. *Володимирь* и *Володимѣрь*; 4) общая семантика композита. Автор приходит к заключению, что глагольный характер первого компонента имени подтверждается структурой всего корпуса имен на *-mirь*, в которых на первой позиции в абсолютном большинстве антропонимов стоят глагольные формы (в виде основы императива или чистой основы). Вопреки многим исследователям автор считает, что *-mirь* в составе личных имен имеет значение ‘рах’. Об этом свидетельствует семантика предшествующих этому элементу глаголов (‘хотеть’, ‘хранить’, ‘защищать’, ‘устанавливать’, ‘разрушать, ломать, крушить’ и т. п.), сочетаемость участвующих в сложениях слов (ср. *мир* и *тишина* и **Tixomirь*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirь*, *завоевать мир* и **Ratimirь*, *сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirь*, **Krušimirь*, **Rъvimirь*). Вопрос о соотношении финалей *-mirь* и *-mьrь* в качестве второго элемента антропонимических сложений остается наиболее спорным. Большинство этимологов принимают тезис о германском заимствовании элемента *-mьrь* или всего имени **Voldimьrь*, однако высказываются мнения и о возможном славянском происхождении по крайней мере некоторых имен на *-mьrь*. Этимология имени *Владимир* и подобных

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный 3 декабря 2019 г. в Институте славяноведения РАН на чтениях, посвященных памяти академика В. Н. Топорова. Автор благодарит акад. А. Е. Аникина и проф. В. Венцеля за ценные замечания и дополнения к статье.

двусоставных имен должна учитывать системные связи каждого компонента с другими лексическими единицами, занимающими ту же позицию в структуре составного имени, морфологию и морфонологию этих сложений, внутренний синтаксис имени, семантику каждого компонента и целого имени.

Ключевые слова: славянские языки, антропонимия, композиты, Владимир, этимология, реконструкция, заимствование.

Памяти В. Н. Топорова

Имя *Владимир* входит в корпус древнейших славянских дохристианских двусоставных личных имен, имеющих праславянское — и далее индоевропейское — происхождение. Среди них наиболее многочисленны и «регулярны» две группы имен — имена с компонентами *мир-* и *слав-*, которые могут занимать как первую, так и вторую позицию (*Миролуб* и *Любомир*, *Славомир* и *Святослав* и т. п.). Этим именам в славянских и других индоевропейских языках посвящена большая литература, начиная с Миклошича и кончая современными работами [Miklosich, 1860–1874; Maretić, 1886; Гинкен, 1893; Leskien, 1914–1915; Taszycki, 1926; Milewski, 1957; 1960; Svoboda, 1964; Поспанд, 1965; Zett, 1970; Schlimpert, 1978; Pohl, 1993; Wenzel, 1–2; Топоров, 1993; Топорова, 1996; Majtan 1996; Pleskalová, 1998; Davies, 2000; Васильев, 2005; Николаев, 2017; Шапошников, 2017], а сами имена этого типа продолжают быть актуальными в антропонимической практике до наших дней (особенно они популярны у южных славян). В целом этимология этих имен достаточно прозрачна, но как раз имя *Владимир* выделяется среди них своей неоднозначной этимологической трактовкой. Наше современное имя *Владимир* имеет южнославянскую (церковнославянскую) огласовку; праславянская форма реконструируется как **Voldi-mirь* с закономерными рефлексами: юж.-слав., словц. **Vladimirь*, чеш., польск. **Vlodimirь*, вост.-слав. **Volodimirь*.

С именем *Владимир* связаны четыре главные проблемы: 1) морфология первого члена имени **Voldi-*: именная или глагольная основа? 2) семантика элемента *-mirь*: ‘рах’ или ‘mundus’? 3) соотношение др.-рус. *Володимирь* и *Володимѣрь*; 4) общая семантика (или актантная структура) композита.

Рассмотрим кратко эти вопросы.

1. Что такое **Voldi* — имя или глагол? Четверть века тому назад В. Н. Топоров посвятил именам с компонентом *-мир* большое исследование [Топоров, 1993]. Это был его доклад к братиславскому съезду славистов, который назывался «Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*)». В нем впервые был представлен полный корпус славянских личных имен с компонентом *-мир* (как исторически засвидетельствованных, так и реконструированных на материале разных славянских языков); всего более 300 имен. В. Н. Топорова интересовал в первую очередь историко-культурный аспект этих имен и их соотношение и параллелизм с митраической индоиранской традицией. Но попутно в этой

работе высказываются важные положения, касающиеся структуры, семантики и этимологии славянских имен с компонентом *-мир*.

В частности, В. Н. Топоров указал на то, что позиция, которую занимает элемент *-мир* (или другой какой-либо элемент) в семантическом отношении неравнозначны: «Член, выступающий на первом месте, обладает большей семантической суверенностью и большей практической актуальностью; член, занимающий второе место, часто тяготеет к своего рода “суффиксации”. В имени **Miro-slavъ* акцент лежит на элементе *mir-*, на мире-спокойствии, с которым соотносится как дополнительный признак еще и слава. В ряду **Miro-slavъ*, **Svęto-slavъ*, **Jaro-slavъ* <...> и т. д. “сильная” смысловозначительная и смыслоформирующая позиция — первая, **-slavъ* же выступает и как полуслужебный, к суффиксу приближающийся элемент. В имени **Slavo-mirъ*, напротив, акцент приходится на элемент **Slav-*, на славу, уточняемую как слава мира, мирная или мирская слава» [Топоров, 1993, 66].

Позиция элемента в составе композита имеет значение не только для семантики композита, но и для его морфонологической структуры. В обеих позициях могут выступать как именные, так и глагольные элементы, но их оформление неодинаково. Глаголы в первой (левой, начальной) позиции чаще всего представлены своими императивными основами, оканчивающимися на *-i* (которые для *i*-глаголов совпадают с чистой основой): **Bori-mirъ*, **Borni-mirъ*, **Bōdi-mirъ*, **Budi-mirъ*, **Cvēti-mirъ*, **Āsti-mirъ*, **Desi-mirъ*, **Dyrži-mirъ*, **Goni-mirъ*, **Xodi-mirъ*, **Xoti-mirъ*, **Jezdi-mirъ*, **Kazi-mirъ*, **Kloni-mirъ*, **Koli-mirъ*, **Krasimirъ*, **Kręsimirъ*, **Kupi-mirъ*, **Lomi-mirъ*, **L'ubi-mirъ*, **Meti-mirъ*, **Mōti-mirъ*, **Nosimirъ*, **Prosi-mirъ*, **Prosti-mirъ*, **Pusti-mirъ*, **Rъvi-mirъ*, **Sōdi-mirъ*, **Spasi-mirъ*, **Stani-mirъ*, **Sterži-mirъ*, **Stroji-mirъ*, **Tęši-mirъ*, **Tvori-mirъ*, **Vadi-mirъ*, **Zvoni-mirъ*, **Źali-mirъ*, **Źdi-mirъ* [Топоров, 1993]. Эта же форма глагольной основы выступает и в древнерусских словах со вторым компонентом *-славъ*: *Бориславъ*, *Брячиславъ*, *Будиславъ*, *Воротиславъ*, *Держиславъ*, *Желиславъ*, *Мстиславъ*, *Станиславъ*, *Судиславъ*, *Твердиславъ* [Тупиков, 2005], ср. аналогичное оформление глагольных основ в апеллятивных композитах: *вертихвостка*, *горюцвет*, *сорвиголова*, *держитрава* (растение) и т. п. Реже глагольные элементы в первой позиции выступают в виде чистой основы: **Bra-mirъ*, **Da-mirъ*, **Xotę-mirъ*, **Xotę-slavъ*, **Sta-mirъ*, **Zna-mirъ*, **Načę-mirъ*, др.-рус. *Сдеславъ* и др. И совсем единичны случаи, когда глагольная основа присоединяется с помощью «именного» соединительного элемента *о-*: древнерусское прозвище *Трясоголовъ*, то же в апеллятивных композитах: *вертохвостка*, *вертошейка*, *вертоголов* [Аникин РЭС, 6, 336–338] и т. п.

В конечной позиции композитов глагольные основы не имеют никаких глагольных показателей и оказываются равными корню, например **Vъse-voldъ*, польск. *Inowłod*¹, чеш. *Rohovlad*, др.-рус. *Всеволодъ*, новг. *Имоволодъ*, *Рогволодъ*,

¹ Это имя приводится в [Роспонд, 1965, 19], однако [SSpNO] его не включает.

Яволодь (< *volsti, *volděti), *Сновидь*, *Явидь* (< *viděti), ср. продуктивность этого типа сложений в апеллятивах: *доброхот* (< *xotěti), *углекон* (< *korati), *водонос* (< *nositi), *плотогон* (< *gъnati), *каменотес* (< *tesati), *свинопас* (< *pasti, pasq), *винокур* (< *kuriti), *лоботряс* (< *tręsti), *землемер* (< *měriti), *скалолаз* (< *laziti), *снегопад* (< *pasti, padq) и т. п.

Если же на первом месте стоит именная основа, то она, как правило, оканчивается соединительной гласной *o-* или *e-*: **Dragomirь*, **Jaroslavь*, **L'ubomirь*, **Miloněgь*, **Miroslavь*, **Svetoslavь*, **Tixomirь*, др.-рус. *Вожславь* и т. п.; в случае мягких именных основ соединительной гласной может быть *i-*: **Myslidarь*, **Myslimirь*, хотя возможна и *o-*: **L'udimirь* и *L'udomirь*, др.-рус. *Гостомысль* [Зализняк, 2019, 808], *Ратомирь* (и *Ратимирь*), ср. в апеллятивной лексике: *властолюбие*, *людоед*, **l'udožerь* (и **l'udižerь*)². Лишь некоторые имена присоединяют именную основу непосредственно к следующей морфеме без соединительного гласного: др.-рус. новг. *Вовславь* (но есть и *Вожславь*), *Мирславь*, *Лудьславь*, *Людславь*, *Сольмирь*, *Радславь*, *Ратьмир*. Несклоняемые компоненты (наречия, предлоги, местоимения) присоединяются ко второму элементу композита в своем исходном виде: **Boljeslavь*, **Domažirь*, **Domaněgь*, **Domaslavь*, **Večjeslavь*, **Iušeslavь*, **Vьseslavь*, **Vьsevoldь*, **Moislavь* и т. п.

Однако разграничение именных и глагольных основ в составе сложных слов не всегда может быть проведено однозначно, поскольку многие морфемы могут функционировать и как глагольные, и как именные; их неразличению способствует и морфонологический фактор — усечение именных основ перед соединительной гласной и глагольных основ на конце слова. Так, морфема *slav-* может манифестировать как имя **slava*, так и глагол **slaviti* (ср. *xpucтослав* ‘славящий Христа, тот, кто славит Христа’), а **mirь* может выступать не только как именная основа, но и как основа глагола **miriti*. Имя **Slavomirь* может трактоваться как состоящее из двух именных основ (‘славный мир’ или ‘слава мира’), а **Miroslavь* — как сложение именной и глагольной основы (‘славящий мир’); **Dobroslavь* может пониматься либо как ‘имеющий добрую славу’, «доброславный» (тогда **slavь* — именной компонент), либо как ‘славящий добро’ (тогда **slavь* — глагольная основа); морфема *l'ub-* может быть именной, репрезентирующей прилагательное *l'ubь* (**L'uboslavь*), а может быть

² Ср. замечание в [ЭССЯ, 15, 201] о вариативных соединительных гласных в праславянских сложениях вообще и в частности в антропонимических композитах **l'udьmila* / **l'udimila* / **l'udmila* / **l'udomila* / **l'udьmilь* / **l'udomilь*: «сложные имена, образованные соединением основ **l'udь* / **l'udь* и **milь* / **mila*. Из приведенных <...> вариантов формы **l'udomila* / *l'udomilь* являются, возможно, наиболее поздними, поскольку соответствуют модели сложений с соединительным гласным *o-*, сохранившей продуктивность вплоть до истории отдельных славянских языков, но и для этих вариантов реальна праславянская древность. Варианты **l'udьmil(a)* / **l'udimila* относятся к числу немногих славянских сложных имен, сохранивших следы древней *-i*-основы в первой части сложения».

чистой основой глагола *l'ubiti* (**Mirol'ubъ*) и т. п. Впрочем, о проблеме общей семантики имени будет сказано дальше.

Именные основы, таким образом, присоединяются, как правило, соединительным гласным *o-*: *Славомир*, *Тихомир*, *Милослав* и т. п. Однако изредка встречаются не чистые основы и соединительная гласная, а падежные формы типа *Богумил*, *Богуслав*, *Братумил*, ср. польск. *Bogurodzica* и *Bogarodzica* [SJPD, 1, 593], с.-х. *Bogurodica*, *Boguživ* [RHSJ, 1, 502], юж.-слав. *братучед*, ст.-слав. **злѡурадын** [Желязкова, 2012, 64, 71, 73], с.-х. *богумрзак*, *богумольа*, *богумил*, *богуслужење*, *богуљубив*, *богомдан* [РСХКНЈ, 2, 1, 11] и т. п. Глагольные же основы в первой позиции перед именной основой, как уже сказано, в большинстве случаев оканчиваются на *-i*. Казалось бы, это может служить надежным критерием разграничения именных и глагольных основ³. Однако такое распределение непоследовательно, поскольку для двусоставных имен характерно явление инверсии компонентов. Немало таких зеркальных форм и среди имен с элементом *мир-* типа *Славомир* и *Мирослав*, *Любомир* и *Миролюб*, польск. **Gněvo-mirъ* и **Miro-gněvъ* и т. п. Отсюда такие колебания или отклонения от исконного (морфологического) распределения именных и глагольных основ в сложениях (когда глагольная основа оформляется и по глагольному, и по именному типу), как **Bqdi-mirъ* и **Bqdomirъ*, **Gněvi-mirъ* и **Gněvo-mirъ*, **L'ubi-mirъ* и **L'ubo-mirъ*, **Miri-slava* и **Mirolava*, **Radī-mirъ* и **Radomirъ* и т. п. (ср. среди нарицательных имен *вертихвостка* и *вертопрах*, *вертоголов*, *трясогузка* и т. п., с оформлением глагольных основ по именному морфонологическому типу).

Итак, имена-композиции вообще могут иметь морфологическую (словообразовательную) структуру следующих типов: 1) глагольная основа + именная основа (**Dьrži-mirъ*); 2) именная основа + именная основа (**Miro-gostъ*); 3) именная основа + глагольная основа (**Miro-l'ubъ*); 4) неизменяемая часть речи (предлог, наречие, местоимение) + именная основа (др.-рус. *Всеславъ*, *Домажиръ* и т. п.) [подробнее см.: Роспонд, 1965]. Но не может быть композита из двух глагольных основ. Это означает, что если одна из основ уверенно определяется как глагольная, другая должна быть именной.

Если теперь с учетом сказанного посмотреть на имя *Владимир* (**Voldi-mirъ*), то оно оказывается вполне вписывающимся в стандартный тип композитов с первым глагольным элементом в императивной форме и вторым именным элементом, функционально приближающимся к суффиксам. Тем не менее этимологи нередко интерпретируют первый элемент имени *Владимир* не как глагольную, а как именную основу. Так, словарь Фасмера дает следующее определение:

³ Ср. этимологию имени **mьstislavъ* в [ЭССЯ, 21, 169–170]: «Сложное имя, образованное из формы повелительного наклонения глагола **mьstiti* и основы *slav-* (см. **slava*). Ср. **borislavъ*, **bornislavъ*. Менее вероятно, что это сложение двух именных основ, преобразованное по типу продуктивных сложений с глаголом на *-i* в качестве первого члена (ср. *Bronislav*, *Stanislav*), т. е. **mьstь-slavъ* > **mьstislavъ*».

Владимир, имя собств. Др.-рус. *Володимѣръ*, церк.-слав. *Владимѣръ*, первая часть которого связана с церк.-слав. *владѣ* ‘власть’ <...> тогда как вторая часть родственна гот. *-mērs* ‘великий’, др.-в.-нем. *māri* ‘знаменитый’, греч. ἐγγεσιμωρος ‘знаменитый [своим] копьем’, ирл. *mór, már* ‘большой, великий’, кимр. *tawr* <...> Таким образом, *Владимир* — «Великий в своей власти». Огласовка *-ла-* церковнославянского происхождения. Окончание *-миръ* возникло под влиянием *мир* ‘спокойствие’, ‘вселенная’ по народной этимологии <...> См. *Володимер* [Фасмер, 1, 326].

Володимер, др.-рус. *Володимѣръ*, собственно исконнорусская форма вместо церк.-слав. *Владимѣръ*. Первоначальное значение — «Славный владением». Лит. *valdymieras* ‘властелин’ восходит к имени Владимира Святого, который в 983 г. победил балтийских ятвягов и завоевал их земли <...> [Фасмер, 1, 341].

Как видим, Фасмер считает первый компонент антропонима *Владимир* именной морфемой, идентифицируемой как **voldь* (церк.-слав. *владѣ*) со значением ‘власть’; не считает его глагольной формой и Миклошич⁴. Между тем имя *владѣ* в этом значении отсутствует в словарях старославянского языка [СБР; ССЯ], в этимологическом словаре старославянского языка [ESJS] и других изданиях (там же, где оно присутствует, оно неизменно означает ‘волосы’)⁵. Но главное, что подобный «амальгамный» способ словообразования, когда один элемент представляет собой стандартную для данного типа двусоставных личных имен исконную основу, а другой — заимствованное слово, не характерен для древнеславянской антропонимии.

Словарь А. Е. Аникина предлагает подобное же толкование для русского имени (выделено мною. — С. Т.):

Владимир — одно из распространенных русских имен собственных, в Древней Руси *Владимѣръ*, *Владимиръ*. Изначально языческое, сохранилось в христианскую эпоху вследствие канонизации крестителя Руси, Владимира Святославича, жившего ок. 960–1015 // блр. *Владзімір* и *Ўладзімір*, укр. *Владимир*, польск. *Włodzimierz* продолжают праславянское имя собственное **Voldiměръ*, **сложение основы сущ. **voldь* ‘власть’ (рус.-слав. *владѣ* и др.) и известного только в связанном виде сущ. *-měръ***. Первая часть этимологически связана с **volděti* и т. п., а вторая — с гот. *-mērs* ‘великий’. Исходное значение славянского имени собственного реконструируется как ‘**великий в своей власти**’ <...> Появление *-миръ* вместо *-měръ* объясняют влиянием рефлексов гетерогенного **mirъ*, ср. рус. *мир* и т. п. Топоров рассматривает

⁴ Ср: «*Владимѣръ* мужское имя собственное, *Владимерь*, *Володимерь* — ни первая часть не является императивом, ни вторая часть не означает ‘мир-mundus’» [Miklosich, 1862–1865, 66].

⁵ Это слово дается в словаре Миклошича со ссылкой на источник XV в.: «*владѣ* f. ἐξουσία potestas ‘власть, господство’» [Miklosich, 1862–1865, 66]. Срезневский приводит его в двойственном виде *владѣ=владѣ* ἐξουσία по одному свидетельству XVI в., где слово дано под титулом [Срезневский, 1, 267]; вслед за ним этот же пример приводит [СлРЯ XI–XVII вв., 2, 214], трактуя его как церковнославянизм, производный от *владеть* [ср.: Аникин РЭС, 7, 299], т. е. как вторичное образование, не связанное непосредственно с праславянским глаголом **vlasti, vladq.*

-*měř* и -*mirь* как апофонические варианты одного и того же корня (во всяком случае, с трудом отделяемые друг от друга), что влечет двойственность реконструкции — праслав. **Voldiměřь* и **Voldimirь*, хотя и отнюдь не исключает того, что -*мурь* вытесняет -*мърь* и что история рассматриваемого имени отражает переплетение «своих» и «чужих» элементов. <...> Сходно в [ЭССЯ, 14, 10], см. *ladoměř / ladamir*. <...> [Аникин РЭС, 7, 295–296].

Обратим внимание на то, что, во-первых, исконной праславянской формой имени здесь признается **Voldiměřь*, а форма **Voldimirь* считается вторичной, возникшей под влиянием славянского **mirь*; во-вторых, здесь остается непонятным, какое праславянское имя **měřь* имеется в виду и как именно оно связано с германским -*mērs* ‘великий’. О соотношении финалей **mirь* и **měřь* будет подробнее сказано ниже.

Применительно к русской антропонимической традиции необходимо еще упомянуть аналогичное по структуре имя **Voldislavь* (др.-рус. *Володиславь*, др.-польск. *Włodzislaw, Władysław, Władzislaw*, известное в разных латинских записях с XII в. [SSpNO, 6, 143], а также два поздних русских топонима, образованных по модели имени *Владимир*, — это *Владикавказ* (1774) и *Владивосток* (1860), которые осмысляются как структуры с первым глагольным и вторым именным (объектным) членом: соответственно «владей Кавказом» и «владей Востоком».

На фоне других этимологических словарей, которые, в сущности, воспроизводят этимологию Фасмера⁶, выделяется трактовка, предложенная авторами чешского «Этимологического словаря старославянского языка» (выделено мною. — С. Т.):

Vladimirь, -a m., nom. pr. Jméno kyjevského knížete (980–1015). Doloženo 1x v Ostr ve formě *Volodimirь*. Et.: Psl. **Voldimirь* je zjevné kompozitum, **jehož první část obsahuje derivát od vb. **vlasti, volda* ‘vládnout’ (v. *vlasti*), ale výklad druhé části — stejně jako u jiných sl. osobních jmen s tímto komponentem (v. **Dragomira**) — není jednoznačný ani u tohoto propria. Převažuje názor, že pův. je podoba **Voldiměřь* (> str. *Volodiměřь* > lit. žem. *valdymieras* ‘vladce’ <...>), jejíž -*měřь* je iz ie. **mēro-* ‘velký, slavný’, a pův. význam byl ‘velký, slavný vládnutím’, přičemž **Voldimirь* vzniklo lidovou et., sekundárním přichýlením k **mirь* ‘svět’ <...> **Alternativně je možno se domnívat, že **Voldiměřь* bylo přejato z germ. a pak přichýleno k *mirь* <...> Zcela vyloučeno ale není ani to,****

⁶ Ср., например, этимологический словарь болгарского языка: «Владимѣр, личное имя; Владимир, село в Радомирской области. — Рус. *Владимир* (из ст.-слав.), др.-рус. *Володимѣрь*, чеш., словац. *Владимѣрь*, польск. *Włodzimierz*. — Произведено от *влади*, формы сущ. *владь* ‘власть’ и *мърь*, отождествленного по народной этимологии с *мурь*, родственно гот. -*mērs* ‘великий’, др.-в.-нем. *māri* ‘славный, знаменитый’, греч. εὐχεσί-μορος ‘славен своим копьем’. Первоначальное значение: ‘славен своей властью» [БЕР, 1, 161].

že forma **Voldimirь* existovala paralelně, at' už bylo **Voldiměрь* domácí nebo přejaté <...> *bv* [ESJS, 18, 1066]⁷.

В этом словаре, как видим, отчетливо сказано, что исходной праславянской формой имени является **Voldimirь* (с вторым компонентом *-mirь*) и именно в этой форме (*Volodimirь*) это имя отражено в Остромировом евангелии. Далее, здесь первая часть имени впервые истолкована как глагольная, а не именная форма, как дериват глагола **volsti, voldq* 'владеть' (ст.-слав. *vlasti*), а для имени в целом допускается как заимствованное (германское), так и исконное происхождение.

Таким образом, глагольность первого компонента имени **Voldimirь* подтверждается прежде всего структурой всего корпуса имен на *-mirь*, в которых на первой позиции в абсолютном большинстве антропонимов стоят глагольные формы (в виде основы императива или чистой основы). Если же говорить о самом глаголе **volsti, voldq*, то он фигурирует в этой позиции только еще в одном имени — **Voldislavь*, известном как в русском, так и в других славянских языках (ср. с.-х. *Vladislav* (с XI в.) [RHSJ, 21, 161–162]). На втором месте в антропонимических сложениях этот глагол тоже довольно редок: др.-рус. *Всѣволодъ*, новг. *Имоволодъ* (реконструируется предположительно из топонима) [Зализняк, 2004, 837], *Рогволодъ* [Тупиков, 2005, 393], и его семантика, скорее всего, близка к семантике причастия 'владеющий'.

В работах по антропонимии нередко утверждается, что структура антропонимических сложений существенно отступает от общезыковых закономерностей, и в частности от структуры апеллятивных композитов. В общем виде эту мысль выразила Т. В. Топорова, исследовавшая структуру и семантику древнегерманских личных двусоставных имен: «В целом совершенно очевидно, что морфология древнегерманских двучленных имен имеет свою специфику и строится по законам, существенно отличающимся от общезыковых» [Топорова, 1993, 91]. Другой автор утверждает, что «существует фундаментальное различие между лексическими композитами (*lexical compounds*) и ономастическими композитами (*onomastic compounds*)», заключающееся в том, что, во-первых, ономастические

⁷ «Имя киевского князя (980–1015). Засвидетельствовано один раз в Остромировом Евангелии в форме *Володимирь*. Этимология: праслав. **Voldimirь*, безусловно, является композитом, первая часть которого производна от глагола **volsti, voldq* 'владеть, править', однако толкование второй части — как и у других славянских личных имен с этим компонентом (ср. *Dragomira*) — неоднозначно. Преобладает мнение, что первоначальная форма **Voldiměрь* (др.-рус. **Voldiměрь* > лит. жем. *valdymieras* 'правитель' <...>), тогда как *měрь* восходит к и.-е. **mēro-* 'великий, знаменитый', так что первоначальное значение было 'великий, славный правлением', причем **Voldimirь* возникло по народной этимологии благодаря вторичной связи с **mir* 'мир' <...> В качестве альтернативы можно предположить, что имя **Voldiměрь* было изначально германским заимствованием, а позднее было контаминировано с *mirь* <...> Но вовсе не исключено и то, что форма **Voldimirь* существовала параллельно с **Voldiměрь*, независимо от того, была ли последняя форма исконной или заимствованной...».

сложные имена могут не иметь семантики и, во-вторых, они способны менять местами компоненты (*reversibility of the order of the elements*) [Davies, 2000, 19]. Между тем материал, рассматриваемый в данной работе, не подтверждает этого представления: закономерности словообразовательной и морфонологической структуры составных личных имен полностью соответствуют правилам построения лексических (апеллятивных) композитов. Это касается даже способности к инвертированию элементов: ср. *лизоблюд* и *блюдолуз*, **listopad* и **padolist* ‘ноябрь’, **vodopolъ* и **polovodъje* ‘половодье’ и т. п.

2. Перейдем ко второму пункту, касающемуся семантики второго элемента имени *Владимир* (**mir-*). Многие исследователи трактуют имя *Владимир* как «Владеющий миром», т. е. понимают элемент **mir-* как ‘mundus (мир, вселенная)’. Между тем В. Н. Топоров [1993] убедительно показал, что в большинстве случаев этот элемент в составе личных имен имеет значение ‘рах (мир, покой, согласие)’. Об этом свидетельствует как семантика участвующих в сложениях глаголов (‘хотеть’, ‘хранить’, ‘защищать’, ‘устанавливать’, ‘разрушать, ломать, крушить’ и т. п.), так и сочетаемость участвующих в сложениях слов (ср. *мир* и *тишина* и **Tixomirъ*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirъ*, *завоевать мир* и **Ratimirъ*, *сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirъ*, **Krušimirъ*, **Rъvimirъ*). И наконец, только с этим значением (‘рах’) связан отыменной глагол **miriti* [ср.: Толстая, 2019, 17]. Во внушительном перечне древнеславянских составных личных имен (более 300) нет ни одного имени, в котором надежно реконструировалась бы семантика ‘mundus’.

Интересны наблюдения ассириолога В. В. Емельянова над семантикой шумерских и аккадских имен, содержащих элементы со значением ‘mundus’ и ‘рах’: по его данным, семантика ‘mundus’ возможна только для имени верховного правителя-завоевателя, тогда как имена с элементом ‘рах’ (‘тишина, мир, согласие, доброе слово’) широко употребительны в Месопотамии с древнейших времен⁸. Что касается германской антропонимической традиции, то среди данных,

⁸ «Если мы будем искать в клинописи “Владимир” как ‘мир-mundus’, то сразу найдем *Lugal-Kish = shar kishshati* “царь мироздания / вселенной”. Однако такого имени собственного нет, поскольку это титул реального царя, и далеко не всякого, а только великого завоевателя. Если же мы рассмотрим второй вариант с ‘мир-рах’, то должны понять, как же по-шумерски и по-аккадски назывался мир как состояние без войны. Задача оказалась нелегкая, но решаемая. Прежде всего, в шумерском есть древнее составное существительное *inim-du10* “слово хорошее”, означающее смягчение гнева богов, умилоствление, расслабление, отдых богов. И от этого слова образуются имена собственные *Lugal-inim-du10-ga* “Царь доброго слова (= умиротворения)”, *Lu2-inim-du10-ga* “Человек доброго слова”, *Mes3-inim-du10-ga* “Герой доброго слова”. Все три имени встречаются в самом старом шумерском языке начиная с текстов XXV века. И они чрезвычайно распространены, особенно частотное первое имя (83 случая). Далее мы видим, что аккадским соответствием *inim-du10* является *saliimu* ‘мир, благополучие, спокойствие, согласие; мирный договор’. И в аккадском есть выражение *beel saliimi* “владыка согласия”, означающее ‘союзник’. Сюда может относиться и союзник по мирному договору, и член военного союза, и бог-хранитель, стоящий на стороне человека. Что же мы получаем в результате такой аналогии? Мы получаем на шумеро-аккадском материале

приводимых Т. В. Топоровой [1996], имена с элементом ‘рах’, как и с элементом ‘mundus’, практически отсутствуют (при обилии разнообразных сугубо военных имен «ценностей»), которыми славен / знаменит носитель имени: «битва», «победа», «защита», «дружина», «слава», «оружие», «войско», «конь», «медведь», «ум», «доблесть», «воля», «власть», «совет», «сила», «гнев», «благо» и т. д.).

Когда речь идет о семантике элемента **mir-* в славянских композитах, необходимо учесть также немногочисленные имена с начальным компонентом **mir-*: **Miri-slava*, **Miri-slavъ*, **Miro-darъ*, **Miro-gněvъ*, **Miro-godъ*, **Miro-gojъ*, **Miro-gostjъ* (-gost), **Miro-l’uba*, **Miro-lubъ*, **Miro-myslъ*, **Miro-něgъ*, **Miro-slava*, **Miro-slavъ*. В первых двух случаях мы имеем дело, скорее всего, с основой глагола **miriti* (т. е. заведомо с семантикой ‘рах’), а в остальных именах эта же семантика поддерживается общим смыслом древнеславянских именных сложений, в которых, как показал В. Н. Топоров, тема мира объединяет оба смысла на основе «любви, дружбы, братства, лада, милости» [Топоров, 1993, 86], а «единство и целокупность мира, обнаруживающие себя в семье, роде, племени, в любом коллективе, связанном совместным “держанием” некоей общей территории, в целом всего мира, достигается неким основоположным актом с о б и р а н и я данной совокупности людей в д а н н о м месте» [Там же, 87].

3. Самым трудным оказывается вопрос о соотношении праславянского имени **Voldimirъ* и древнерусского имени *Володимѣръ*, или более общий вопрос — о соотношении финалей **mirъ* и **měrъ* в качестве второго элемента антропонимических сложений. Вот что писал об этой проблеме В. Н. Топоров:

Во-первых, речь идет о дублетности **mir-* : **měr-*, связанной с разными апофоническими вариантами одного и того же корня и подкрепленной семантическим тождеством (‘мир’, ‘покой’ и т. п.) и — что касается личных имен — их использованием в одинаковых микроконтекстах, ср. **Kani-mirъ* : **Kani-měrъ*, **Ne-mirъ* : **Ne-měrъ*, **Teši-mirъ* : **Teši-měrъ*, **Gněvo-mirъ* : **Gněvo-měrъ*, **Spyti-mirъ* : **Spyti-měrъ*, **Tato-mirъ* : **Tato-měrъ*, **Kazi-mirъ* : **Kazi-měrъ*, **Rati-mirъ* : **Rati-měrъ* и т. п. О соотношении **mir-* : **měr-* в личных именах существует значительное число мнений и высказываний, к которым можно было бы отослать читателя. В связи же с темой данной статьи важно отметить несколько положений. Совершенно очевидно, что не всякое *-měr-* в личных именах славян должно объясняться из герм. **mēr-*, хотя тенденция именно к такому объяснению чрезмерно гипертрофирована; несомненно, что во многих случаях это *-měr-* исконно славянское (**měrъ* ‘мир-покой’, ‘спокойствие’, ‘согласие’). Также очевидно, что соотношение **mir-* : **měr-* в личных именах

а) невозможность применить эпитет “владыка мира-мундуса” ни к кому, кроме великого завоевателя, б) большую распространенность имен типа “владыка умиротворения” и в) возможность применить этот эпитет не только к людям, но и к богам. Поскольку же имена в древней Месопотамии были теофорными, то, скорее всего, под владыкой умиротворения нужно там понимать божество, которое хранит человека с момента его рождения и которое полностью не прописано в имени (что бывает сплошь и рядом)» [https://www.facebook.com/vladimir.emelianov.589/posts/2584055701825407].

было подвижным: при том, что чаще всего — и это может быть надежно документировано — **mēr-* в именах со временем вытеснялось элементом **mir-*, есть немало примеров (тоже документированных) экспансии элемента **mēr-* в область, где ранее уже присутствовал элемент **mir-* [Топоров, 1993, 15].

Здесь В. Н. Топоров впервые высказывает допущение, что, по крайней мере в некоторых именах, финальное **-mēr̃* может быть не германизмом, а исконным славянским элементом с семантикой ‘мир-покой’, ‘спокойствие’, ‘согласие’ (ср. рус. *умеренность, смиренный, смирение* < **s̃mĕreñje*). Ср. в связи с этим мнение О. Н. Трубачева, разделяемое многими этимологами, о неисконном характере некоторых финалей **-mir̃* (< **-mēr̃*): «Однако *-mir-* как второй компонент сложений может быть и генетически отличным от праславянского **mir̃* ‘рах; mundus’, а их омонимия — следствие вторичного сближения; ср. вариантность типа др.-рус. *Володимѣрь* — рус. *Владимир*, при *-мѣр-* — родственном гот. *-mērs* ‘великий’ <...> Вариант на **-mēr̃* можно предположить в польск. *Ludzimierz*, но здесь равно возможно и фонетическое развитие из *-mir-*» [ЭССЯ, 15, 192].

В приведенной выше статье чешского «Этимологического словаря старославянского языка» также высказано предположение, что исконно славянской (праславянской) формой имени было **Voldimir̃*, а возможное германское заимствование с элементом **mēr-* могло появиться позднее и некоторое время сосуществовать с исконным, а затем быть вытесненным последним.

Более определенно о германском заимствовании целого имени со вторым элементом **-mēr̃* (а не только этого второго элемента) говорится в недавней статье С. Л. Николаева, причем он допускает это германское заимствование уже в праславянском:

По традиции *Володимѣрь* считается именем славянского происхождения. Словечное славянское имя **Voldi-mir̃* имеет второй компонент **mir̃* ‘мир (*mundus*)’: др.-болг. *Владимирь*, ст.-польск. *Włodzimierz*, ст.-чеш. *Vladimír*, др.-рус. *Володимирь* / *Владимирь*. По-видимому, рефлексов **voldi-mēr̃* в западнославянских языках нет (современное польск. *Włodzimierz* восходит к **Voldimir̃*). Любопытно, что имена на **-mēr̃* отсутствуют в южнославянских языках. Они есть в западно- (например, ст.-чеш. *Luboměr̃*, чеш. *Litoměr̃*, ст.-польск. *Jaromiar, -mier*) и восточнославянских языках (др.-рус. *Володимѣрь, Домамѣрь, Казимѣрь, Творимѣрь*, в былинах **Будимѣрь, *Долгомѣрь* [Гинкен, 1893, 457–458]), т. е. в ареале интенсивных славяно-германских контактов. В древненовгородском диалекте засвидетельствованы только многочисленные имена на *-мир̃* [Зализняк, 2004, 838]. Возможно, часть имен на **-mēr̃* попала в этот список благодаря древненовгородскому фонетическому переходу *ǰ > u*. <...> Др.-рус. *Володимѣрь* может иметь германское происхождение, возможно — «русско-варяжское» (РВД **Waldimēr̃* < ПСГ **waldē -māraR* ?), с регулярным повышением **ē > [i]*, **ā > [ε:] > é [e]*, поскольку в западногерманских и в «классических» северогерманских языках ПСГ **ā > ā* (др.-в.-нем. *Diot-mār, Waldo-mār*, др.-сев. *Valdi-már, Hreið-már*). В этом случае надо предположить развитие ранне-ПС **vā lđī mē rū >* праслав. **voldimēr̃ >* вост.-слав. *Volodiměr̃* [Николаев, 2017, 24–25].

Здесь несколько положений, которые вызывают сомнения или вопросы. Прежде всего, это традиционное представление о том, что второй элемент имени означает ‘mundus’, см. об этом выше. Далее, нельзя не заметить противоречия в том, что имена на *-*měрь* распространены в регионе интенсивных славяно-германских контактов и в то же время они отсутствуют в западнославянских языках (или являются результатом позднейших фонетических изменений) и в древненовгородском диалекте. Наконец, было ли германское влияние ограничено одним именем *Владимир* или же оно затронуло и другие двусоставные имена? Пока речь идет об одном имени *Владимир*, представление о его заимствованном характере кажется допустимым⁹, но, как только мы обратимся к полному корпусу древнеславянских имен, мы увидим, что элемент *-*měрь* встречается и в других именах, заимствование которых в полном виде маловероятно¹⁰. Как тогда объяснить происхождение этого элемента?

Для начала приведем перечень имен на *-*měрь*, включенных в «Этимологический словарь славянских языков» (вып. 1–41). Выборку личных имен из первых 13 выпусков [ЭССЯ] (А–К) произвел О. Н. Трубачев [1988]. Среди них встретилось только одно имя с интересующей нас финалью — **jaroměрь* (и 12 имен с финалью *-*mirь*: **bezmirь*, **bojьmirь*, **bornimirь*, **budimirь*, **čьstimirь*, **dobromirь*, **dorgomirь*, **xornimirь*, **xotimirь*, **xvalimirь*, **kazimirь*, **krěsimirь*). В последующих выпусках обнаружилось следующие имена этого типа (обычно с параллельными финалями *-*měрь* / *-*mirь*): **ladoměрь* / **ladomirь*, **l'uboměрь* / **l'ubomirь*, **l'utoměрь* / **l'utomirь*, **neměra* / **neměрь*, **ordoměрь* / **radoměрь*¹¹. Все они толкуются в [ЭССЯ] с отсылкой к имени *Владимир*. Если во всех этих словах элемент *-*měрь* представляет собой германизм, то это требует своего объяснения¹².

Можно лишь удивляться, что до В. Н. Топорова не делалось никаких попыток объяснения элемента *-*měрь* в личных именах на славянской почве, в частности в связи со слав. **měra* (и далее глаголом **měriti*)¹³, тем более что **měra*, помимо

⁹ Ср. заключение из соответствующего пассажа в работе В. Н. Топорова: «**Voldi-mirь* (далее следуют примеры из славянских языков и их балтийские соответствия. — С. Т.) — Ср. **Voldi-měрь*. — Вся история этого имени отражает переплетение сходных “своих” и “чужих” (ср. *Waldemar* и под.) элементов, причем чужое очень рано начало толковаться как свое, привязываясь к продолжениям праслав. **volděti* (: **voldyka*, **volstь*, см. *Volsti-mirь*)» [Топоров, 1993, 60].

¹⁰ Ср. мнение видного польского специалиста по ономастике С. Роспонда: «Древнерусские личные имена возникали и под скандинавским влиянием, особенно в Новгородской Руси. Это влияние иногда преувеличивают (например, предполагают др.-исл. *Valdemar* > *Volodimir*), хотя с уверенностью можно утверждать, что направление было обратным» [Роспонд, 1965, 12].

¹¹ Ср. еще древнерусские имена *Немѣра*, *Домамѣрь*, ст.-польск. *Niemierza*.

¹² В словаре Миклошича элемент *měрь* приводится как отдельная лексема (*měрь*) и сопоставляется с прус. *mīr* : *ermīr*, гот. *mērjan*, др.-в.-нем. *māri*, ср.-в.-нем. *maere*, греч. *μέρ-μνα*, *μέρ-μερος*, санскр. *smr* в значении ‘славный, знаменитый’ [Miklosich, 1862–1865, 392].

¹³ Некоторый намек на возможность сближения (правда, на народно-этимологической основе) элементов *-mirь* и *-měрь* в древнерусских составных именах содержится в старой работе Г. Г. Гинкена: «Для нашей цели важно прежде всего то, что *mirь* в русских именах уже не имело своего первоначального значения, а лишь прислонилося то к *mirь*, то к *mīрь*, а то и к *mѣра*» [Гинкен, 1893, 443].

конкретной метрологической семантики, имело широкий круг пространственных значений: 'предел', 'граница', 'край', 'положение' [ЭССЯ, 18, 178–181]. При этом следует обратить внимание на важное в этом контексте замечание О. Н. Трубачева: «В ряду сближаемых форм особо следует выделить соотношение слав. **měra* : др.-инд. *mātrā* 'мера'. Обращает на себя внимание тот факт, что отношение *-r-* : *-tr-* имеет аналогию в слав. **mirь* : др.-инд. **mītrā*» [Там же, 181]. Таким образом, слав. **měra* по крайней мере входит в круг фактов, которые следует учитывать при этимологизации имени *Владимир* и подобных ему имен с финалью **-měrь*, в особенности в связи с проблемой славяно-иранских соответствий.

Итак, вопрос о генетическом соотношении элементов **-mirь* и **-měrь* в двусоставных древнеславянских антропонимах остается открытым, но все-таки в его обсуждении наметилась некоторая перспектива выхода за пределы замкнутого круга устойчивых утверждений о германском заимствовании элемента *-měrь*. Главным препятствием для принятия германской версии остается нестандартная «амальгамная» словообразовательная модель антропонимического композита, использующего в качестве одного из элементов заимствованную лексему, не имеющую самостоятельного статуса в лексической системе праславянского языка. Отчасти это связано с вопросом о семантике составных имен, к обсуждению которого мы и переходим.

4. Как бы ни решался общий вопрос о семантике имен собственных и как бы ни понималась их специфика по отношению к семантике нарицательных имен [ср.: Курилович, 1962], очевидно, что антропонимические композиты занимают в этом отношении особое положение. По крайней мере, при создании древнейших имен семантика соединяемых элементов, безусловно, имела значение (и определяла их внутреннюю форму), как и при образовании любого композита-апеллятива. По мнению Э. Бенвениста, «именное сложение — это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания» [Бенвенист, 1974, 241]. Это в полной мере относится и к антропонимическим сложениям, исходную семантику которых можно реконструировать лишь на основе синтаксических отношений между компонентами.

В дальнейшем семантическая связь между составляющими имени могла затемняться или вовсе утрачиваться¹⁴, о чем свидетельствуют разнообразные трансформации морфем и их взаимоперемещение и инвертируемость. Ср. определение С. Роспонда: «Свободная взаимозаменяемость членов говорит о том, что это всего лишь символические структурные схемы, лишенные конкретного содержания» [Роспонд, 1965, 5].

¹⁴ Ср. замечание Г. Г. Гинкена: «В историческое время или, точнее, в эпоху древнейших русских памятников они (двусоставные имена. — С. Т.) (по крайней мере, многие из них), несомненно, употреблялись только по преданию. Судя по правописанию летописи и других памятников, они в это время понимались не более, чем теперь» [Гинкен, 1893, 441].

Наиболее популярные (употребительные) лексические морфемы, занимающие вторую позицию в композитах, могли превращаться в суффиксоиды, а морфемы, занимающие первую позицию, — в своего рода префиксоиды. В особенности это выхолащивание лексической семантики характерно для конечных морфем. Кроме интересующих нас здесь финалей *-mirь и *-měрь, во второй позиции антропонимических сложений праславянского корпуса могут выступать следующие элементы: *-slavь (*Mьstislavь, *Miroslavь, *Dobroslavь, *Xvalislavь и т. д.), *-l'ubь (*Bogol'ubь, *Četol'ubь), *-milь (*Dobromilь, *Dorgomilь), *-xvalь (*Boguxvalь), *-borь (*Daliborь, *Xotiborь, *Ratiborь), *-drugь (*Milodrugь, *Mьstidrugь), *-gostь (*Bьdigostь, *Dobrogostь), *-darь (*Myslidarь), *-sqđь (*Bornisqđь), *-gněvь (*Četogněvь, *Jarogněvь), *-čьstь (*Bol'ečьstь), *-vojь (*Borivojь, *Xotivojь), *-myslь (*Dobromyslь, *Gostomyslь, *L'ubomyslь), *-radь (*Čьstiradь, *L'uboradь), *-bogь (*Čьstibogь, *Xvalibogь, *Mьstibogь), *-gojь (*Domagojь), *-vitь (*Dobrovitь), *-těxь (*Božetěxь), *-žirь (*Domažirь, *Kroměžirь), *-žiznь (*Dobrožiznь). Чем шире круг сочетающихся с ними основ, тем в большей мере они приближаются к служебным морфемам и тем легче утрачивают свою лексическую семантику (наиболее близки к суффиксам финали *-mirь и *-slavь)¹⁵.

Более разнообразен набор первых (начальных) элементов, и, соответственно, они менее подвержены превращению в служебные морфемы и лучше сохраняют свою исконную семантику. Достаточно показателен их перечень в именах с финалью *-mirь в работе В. Н. Топорова [1993], где таких имен, как было сказано, более 300. То же можно сказать об именах с финалью *-slavь, приводимых в [ЭССЯ]: *bojeslavь, *bol'eslavь, *borislavь, *bornislavь, *bręjislavь, *budislavь, *časlavь, *dobroslavь, *dorgoslavь, *gordislavь, *gor'eslavь, *gorislavь, *gostislavь, *xodislavь, *xornislavь, *xotislavь, *xvalislavь, *jaroslavь, *brěislavь, *kupislavь, *l'ubislavь, *l'uboslavь, *l'udislavь, *manislavь, *milislavь, *miloslavь, *miroslavь, *mьrčislavь, *něgoslavь, *radoslavь, *ortislavь (*ratislavь). Среди первых компонентов антропонимических композитов наиболее близки к префиксоидам именные элементы *bol'e-, *bogo-, *dobro-, *dorgo-, *l'ubo-, *milo-, *svęto-.

Несмотря на признаваемый всеми закономерный процесс утраты или затемнения семантики составных элементов композитов (действительно, мы ни в имени *Владимир*, ни в именах *Владислав*, *Вячеслав*, *Станислав*, *Людмила* не ощущаем никакой семантики), этимологи свободно реконструируют их семантическую структуру и говорят, например, что *Владимир* означает «владеющий миром» или «великий в своей власти» [Фасмер, 1, 326; Аникин РЭС, 7, 295], а *Казимир* — «возмутитель спокойствия» [ЭССЯ, 9, 170], с.-х. *Vladimir* 'pacis gloriam habens'

¹⁵ В древнегерманских антропонимических композитах такими «суффиксоидами» являются прежде всего финали *-mēriz 'знаменитый, славный' (сопоставляемая со слав. *-měрь) и *-waldaz 'властвующий, владеющий' (сопоставляемая со слав. *vold- < *volsti, *volděti 'владеть') [см.: Топорова, 1996].

(«славный миролюбием»); древнейшее свидетельство: *Sergius Vladimiri* (1190) [RHSJ, 21, 160], и т. п.

В работе Т. В. Топоровой [1996] внутреннему синтаксису и семантике древнегерманских составных имен посвящены специальные главы, а сами имена снабжены семантической дефиницией типа ‘знаменитый (славный) дружиной’, ‘знаменитый славой’, ‘знаменитый властью’, ‘знаменитый умом’, ‘знаменитый конем’, ‘знаменитый копьем’ и т. п., ‘владеющий (властвующий) родом’, ‘властвующий судом’, ‘властвующий морем’, ‘владеющий богатством’ и т. п.

Как было показано выше, при всех позднейших исторических изменениях двусоставные древнеславянские имена сохраняют жесткую словообразовательную и морфонологическую структуру (как бы она со временем ни затемнялась). Но эти имена имеют и свою изначальную синтаксическую (актантную) структуру, как любые композиты. Это значит, что составные элементы таких имен находятся по отношению друг к другу в определенных синтаксических отношениях — сочинительных или подчинительных (разного типа). Свидетельством этих синтаксических отношений в именах-композитах могут быть, в частности, реликтовые антропонимические образования, сохраняющие падежные формы управляемых лексем (ср. др.-рус. *Богуславъ*, *Богухваль*, *Богумиль* и т. п., см. выше). Но в большинстве случаев эти отношения затемнены морфонологическими процессами усечения основ и приращения специальных соединительных морфем.

Если наиболее абстрактная семантика антропонимического композита как целого определяется тем, что это всегда и м я л и ц а (субъекта действия, состояния или свойства), то способ характеристики этого лица может быть различным. Это может быть характерное действие или состояние с указанием на объект или способ действия и другие актанты предиката (ср. **Vogumilъ* букв. «Милый Богу», **Dobromyslъ* букв. «Имеющий добрые мысли» или «Добро мыслящий», **Domažirъ* букв. «Живущий дома»). При этом общий смысл имени зависит от прагматической установки именованного: имя может быть «оптативным» («чтобы ты был таким-то, делал то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Болеславъ*, *Вышеславъ*, *Ростиславъ*, *Сбыславъ*, *Сновидъ*, *Станиславъ*), «императивным» («будь таким-то», «делай то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Мьстиславъ*, *Избыгнѣвъ*, *Творимиръ*), «прохибитивным» («не будь таким-то», «не делай того-то или таким способом»; часто такие именованья носят магический защитный характер, ср. др.-рус. *Неславъ* букв. «Не имеющий славы») или «дескриптивным» («имеющий то-то, делающий то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Ярославъ*, *Сдеславъ*, *Радославъ*, *Остромиръ*, *Милонѣгъ*). Эти синтаксические отношения как антропонимических, так и апеллятивных сложений, безусловно, требуют специального изучения.

* * *

Подводя итог рассмотренным антропонимическим данным, можно заключить, что этимология каждого отдельного древнеславянского составного личного

имени (в данном случае нас специально интересовало имя *Владимир*) должна учитывать системные связи каждого компонента с другими лексическими морфемами, занимающими ту же позицию в структуре составного имени, общую структурную схему (морфологию) этих имен, регулярные морфонологические правила сочетания компонентов, внутренний синтаксис имени (т. е. синтаксические отношения между компонентами), семантику каждого компонента и прагматику целого имени. Во многих случаях эти характеристики в реальных антропонимах должны быть реконструированы путем снятия позднейших изменений, но в целом можно исходить из тех же структурных и семантических отношений, которые вполне системно можно наблюдать на материале апеллятивных композитов (а также прозвищ), хорошо сохраняющих словообразовательные и семантические модели номинации. Предлагавшиеся до сих пор этимологии имени *Владимир* недостаточно учитывали эти системные свойства (общие для многих подобных имен).

Источники

- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–20 / уред. Даринка Гортан Премк и др. Београд : САНУ, 1959–2017.
- СБР — Старобългарски речник : в 2 т. / отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София : Валентин Траянов, 1999–2009.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.] (вып. 1–6) ; гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 7–10) ; гл. ред. Д. Н. Шмелев (вып. 11–14) ; гл. ред. Г. А. Богатова (вып. 15–26) ; гл. ред. В. Б. Крысько (вып. 27–29) ; Р. Н. Кривко (вып. 30–). М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975–. Вып. 1–.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893–1903.
- ССЯ — Словарь старославянского языка : в 4 т. Репр. изд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.
- Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae : G. Braumüller, 1862–1865.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1–23 / ured. Đ. Daničić, M. Valjavec, P. Budmani, T. Maretić, S. Musulin, S. Pavešić. Zagreb : JAZU, 1880–1976.
- SJPD — Słownik języka polskiego. T. 1–11 / red. W. Doroszewski. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1958–1969.
- SSpNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. T. 1–6 / pod red. W. Taszyckiego ; T. 7 : Supplement / pod red. M. Malec. Wrocław etc. : PAN, 1965–1987.

Исследования

- Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Бенвенист Э.* Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 241–256.
- БЕР — Български етимологичен речник / съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София : БАН, 1971–.
- Васильев В. Л.* Архангелская топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005.

- Гинкен Г. Г. Древнейшие русские двусложные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. 1893. Вып. 3–4. С. 440–461.
- Желязкова В. Сложные слова в древнейших славянских списках Пролога (на материале житийной части за сентябрь — февраль) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 63–78.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк А. А. Древнерусское ударение : общие сведения и словарь. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2019.
- Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М. : Издательство иностранной литературы, 1962. С. 251–266.
- Николаев С. Л. К этимологии имен северогерманского происхождения в «Повести временных лет» // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Роспюнд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 3–21.
- Толстая С. М. К семантической истории слав. **mirь* и **svěť* // Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М. : Индрик, 2019. С. 13–27.
- Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Междунар. съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). Доклады российской делегации / ред. Г. Г. Литаврин. М. : Наука, 1993. С. 3–118.
- Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М. : Языки русской культуры, 1996.
- Трубачев О. Н. Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков. Вып. 1–13 // Этимология. 1985 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1988. С. 3–10.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Языки славянских культур, 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Шапошников А. К. Исторические и диалектные ономастические свидетельства Новгородской земли как основа реконструкции древнерусского, восточнославянского и праславянского именника // Ученые записки Новгородского университета. 2017. № 2 (10). С. 1–9.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Davies Anna M. Greek Personal Names and Linguistic Continuity // Greek Personal Names. Their value as evidence / ed. by S. Hornblower, E. Matthews. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. P. 15–39.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Sv. 1–19 / red. E. Havlová. Praha : Academia ; Brno : Tribun EU, 1989–2018.
- Leskien A. Die litauischen zweistämmigen Personennamen // Indogermanische Forschungen. 1914–1915. Bd. 34. S. 296–333.
- Majtan M. Chronológia slovanských zložených osobných mien v Slovenčine // 12. Slovenská onomastická konferencia : zb. referatov / zost. M. Majtán, F. Ruščák. Prešov : Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 1996. S. 173–180.
- Maretič T. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba // Rad JAZU. 1886. № 81–82.
- Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Orstnamen. Wien : Philosophisch-Historische Klasse, 1860–1874.
- Milewski T. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych // Biuletyn PTJ. 1957. T. 16. S. 37–49.
- Milewski T. Polskie imiona złożone nie znane innym językom słowiańskim // Slavia orientalis. 1960. T. 20. № 2. S. 101–107.

- Pleskalová J.* Tvoření nejstarších českých osobních jmen. Brno : Vydavatelství Masarykovy univerzity, 1998.
- Pohl H. D.* Die slavischen zusammengesetzten Peronnennamen // Namenkundliche Informationen. 1993. Beiheft 17. Anthroponymica Slavica. S. 7–20.
- Schlimper G.* Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin : Akademie-Verlag, 1978.
- Svoboda J.* Staročeské osobní jména a naše příjmení. Praha : ČSAV, 1964.
- Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1926.
- Wenzel W.* Studien zu sorbischen Personennamen. Bd. 1–3. Bautzen : VEB Domowina-Verlag, 1987–1994.
- Zett R.* Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1970.

Рукопись поступила в редакцию 15.12.2019

* * *

Толстая Светлана Михайловна
академик РАН, доктор филологических
наук, заведующая отделом этнолингвистики
и фольклора
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Tolstaya, Svetlana Mikhailovna
DrHab, Full Member of the Russian Academy
of Sciences, Head of the Department
of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
Email: smtolstaya@yandex.ru

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

TO THE ETYMOLOGY OF THE NAME *VLADIMIR*

Amongst other ancient Slavic pre-Christian two-part anthroponyms, the name *Vladimir* (**Voldimirь*) has been a recurrent subject of etymological analysis. However, some aspects of its etymology remain unclear. The article discusses four main issues: 1) the morphology of the first member of the name (is it a noun or a verb stem?); 2) the meaning of the second element of the name (*-mirь* as ‘pax’ or ‘mundus’?); 3) the correlation between Old Russian names *Volodimirь* and *Volodimъръ*; 4) the overall meaning of the compound. The author concludes that the verbal nature of the first component of the name is suggested by the structure of the whole corpus of names ended in *-mirь*, generally preceded by a verbal form, either in the imperative or the pure stem variant. Contrary to many researchers, the author believes that *-mirь*, as part of personal names, should mean ‘pax’. This is evidenced by the meanings of the verbs preceding this element (‘to want,’ ‘to guard,’ ‘to protect,’ ‘to make,’ ‘to destroy / break / crush,’ etc.), the co-occurrence of the words found in name variants (cf., ‘peace’ and ‘silence’ in **Tiximirь*) and phraseology (cf. ‘to reach peace’ in **Stanimirь*, ‘to conquer peace’ in **Ratimirь*, ‘to break peace’ in **Lomimirь*, **Krušimirь*, **Rъvimirь*). Yet, it is the issue

between the final elements *-mirъ* and *-měrъ* that remains the most controversial. The majority of scholars agree upon Germanic origins of the element *-měrъ* or the whole name **Voldiměrъ*, however, some opinions about the possible Slavic origin of the ending formant (at least for some names in *-měrъ*) also persist. The etymology of the name *Vladimir* and similar two-component names should account for the systemic connections of each component with other lexical units having the same position in the structure of the compound name, the morphology and morphonology of these compounds, the internal syntax of the name, the meaning of each component and of the whole name.

Key words: Slavic languages, anthroponymy, compound names, *Vladimir*, etymology, reconstruction, borrowing.

Acknowledgements

The article is based on a paper presented on December 3, 2019 at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences at a conference dedicated to the memory of acad. Vladimir Toporov. The author is grateful to acad. A. E. Anikin and prof. W. Wenzel for their valuable comments and additions to the article.

- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Benvenist, E. (1974). *Sintaksicheskie osnovy imennogo slozheniia* [Syntactic Features of Nominal Compounds]. In E. Benvenist, *Obshechaia lingvistika* [General Linguistics] (pp. 241–256). Moscow: Progress.
- Davies, A. M. (2000). Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In S. Hornblower, & E. Matthews (Eds.), *Greek Personal Names. Their Value as Evidence* (pp. 15–39). Oxford: Oxford University Press.
- Georgiev, V., Glbov, Iv., Zaimov, I., & Ilchev, St. (Eds.). (1971–). *B'lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Sofia: BAN.
- Ginken, G. G. (1893). *Drevneishie russkie dvuslozhnye lichnye imena i ikh umen'shitel'nye* [The Oldest Russian Two-Syllable Personal Names and Their Diminutives]. *Zhivaia starina*, 3–4, 440–461.
- Havlová, E. (Ed.). (1989–2018). *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* [Etymological Dictionary of the Old Slovak Language] (Vols. 1–19). Praha: Academia; Brno: Tribun EU.
- Kuryłowicz, J. (1962). *Ocherki po lingvistike* [Essays in Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoi literatury.
- Leskien, A. (1914–1915). Die litauischen zweistämmigen Personenamen. *Indogermanische Forschungen*, 34, 296–333.
- Majtan, M. (1996). Chronológia slovanských zložených osobných mien v Slovenčine [Chronology of Slavic Compound Personal Names in Slovak]. In M. Majtán, & F. Ruščák (Eds.), *12. Slovenská onomastická konferencia: zb. referatov* [The 12th Slovak Onomastic Conference: a Collection of Papers] (pp. 173–180). Prešov: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV.
- Maretić, T. (1886). O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba [On Traditional Croatian and Serbian Names]. *Rad JAZU*, 81–82.
- Miklosich, F. (1860–1874). *Die Bildung der slavischen Personen- und Orstnamen*. Wien: Philosophisch-Historische Klasse.
- Milewski, T. (1957). Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych [Morphological Evolution of Indo-European Compound Personal Names]. *Biuletyn PTJ*, 16, 37–49.
- Milewski, T. (1960). Polskie imiona złożone nie znane innym językom słowiańskim [Polish Compound Names Unknown to Other Slavic Languages]. *Slavia orientalis*, 2, 101–107.

- Nikolaev, S. L. (2017). K etimologii imen severogermanskogo proiskhozhdeniia v "Povesti vremennykh let" [Etymology and Comparative Phonology of North Germanic Personal Names in the Primary Chronicle]. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 7–54. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009
- Pleskalová, J. (1998). *Tvoření nejstarších českých osobních jmen* [The Origins of the Oldest Czech Personal Names]. Brno: Vydavatelství Masarykovy univerzity.
- Pohl, H. D. (1993). Die slavischen zusammengesetzten Peronnennamen. *Namenkundliche Informationen*, 17, 7–20.
- Rospond, S. (1965). Struktura i klassifikatsiia drevnevostochnoslavianskikh antropomimov (imena) [Structure and Classification of Old East Slavic Anthroponyms (Names)]. *Voprosy yazykoznavaniia*, 3, 3–21.
- Schlimpert, G. (1978). *Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Shaposhnikov, A. K. (2017). Istoricheskie i dialektnye onomasticheskie svidetel'stva Novgorodskoi zemli kak osnova rekonstruktsii drevnerusskogo, vostochnoslavianskogo i praslavianskogo imennika [Historical and Dialectal Onomastic Evidence of the Novgorod Land as the Basis for the Reconstruction of the Old Russian, East Slavic and Pre-Slavic Names]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo universiteta*, 2, 1–9.
- Svoboda, J. (1964). *Staročeské osobní jména a naše příjmení* [Old Czech Personal Names and Our Surnames]. Praha: ČSAV.
- Taszycki, W. (1926). *Najdawniejsze polskie imiona osobowe* [The Oldest Polish Personal Names]. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Tolstaya, S. M. (2019). *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznavaniiu i etnolingvistike* [The Human World in the Mirror of Language. Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
- Toporov, V. N. (1993). Praslavianskaia kul'tura v zerkale sobstvennykh imen (element *mir-) [Pre-Slavic Culture as Reflected in Proper Names (Element * mir-)]. In G. G. Litavrin (Ed.), *Istoriia, kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov. XI Mezhdunar. s'ezd slavistov (Bratislava, sentiabr' 1993 g.)*. *Doklady rossiiskoi delegatsii* [History, Culture, Ethnography and Folklore of the Slavic Peoples. Papers of the 11th International Congress of Slavists (Bratislava, September 1993). Papers of the Russian Delegation] (pp. 3–118). Moscow: Nauka.
- Toporova, T. V. (1996). *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskii dvuchlennnye imena sobstvennye* [Culture in the Mirror of Language: Ancient Germanic Two-Part Proper Names]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Trubachev, O. N. (1988). Praslavianskaia onomastika v etimologicheskom slovare slavianskikh yazykov. Vyp. 1–13 [Pre-Slavic Onomastics in the Etymological Dictionary of Slavic Languages. Vols. 1–13]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya. 1985* [Etymology. 1985] (pp. 3–10). Moscow: Nauka.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic Languages] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Tupikov, N. M. (2005). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Vasilyev, V. L. (2005). *Arkhaischeskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskii deantroponimnye obrazovaniia)* [Archaic Toponymy of the Novgorod Land (Old Slavic Deantroponymic Place Names)]. Novgorod: NovGU im. Iaroslava Mudrogo.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Wenzel, W. (1987–1994). *Studien zu sorbischen Personennamen* (Vols. 1–3). Bautzen: VEB Domowina-Verlag.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect] (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie: obshchie svedeniia i slovar'* [Old Russian Stress: General Information and Dictionary] (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

-
- Zett, R. (1970). *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode*. Köln; Wien: Böhlau Verlag.
- Zheliazkova, V. (2012). Slozhnye slova v drevneishikh slavianskikh spiskakh Prologa (na materiale zhitiinoi chasti za sentiabr'-fevral') [Compound Words in the Ancient Slavic Copies of the Prologue (based on the Hagiographic Part for September — February)]. In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika. Slovo i tekst* [Slavic and Balkan Linguistics. Paleoslavistic Studies. Word and Text] (pp. 63–78). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.

Received on 15 December 2019